

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава IX¹⁾.

Скобелевъ и славянское дѣло.

Недавнее присоединеніе Босніи и Герцеговины, какъ и каждое посягательство Австріи на Балканы, возбуждали протестъ Ольги Алексѣевны. Въ 1882 г., когда она издала свою замѣчательную книгу „Скобелевъ и славянское дѣло“; въ 1888 году, когда она указала на предполагаемые виды Австріи на Салоники и наконецъ въ 1908 г., когда она первая, заявила въ „Таймсѣ“ о незаконной аннексіи Босніи и Герцеговины; она была неутомимымъ, твердымъ и безстрашнымъ противникомъ австрійскихъ узурпацій. Соперниковъ въ этомъ у нея нѣтъ, ни мужчинъ, ни женщинъ. Она заявила кн. Горчакову о несправедливости къ южнымъ славянамъ въ 1878 г., черезъ тридцать лѣтъ она же напоминаетъ Извольскому о его долгѣ въ славянскомъ дѣлѣ.

Судьба какихъ-нибудь двухъ милліоновъ славянъ въ горныхъ мѣстностяхъ, на сѣверо-западѣ Оттоманской имперіи, вопросъ большой важности для славянъ. Судьба Гроба Господня волновала всю средневѣковую Европу изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ 1396 году, Боснійскій король первый поднялъ знамя единенія славянъ на религіозной почвѣ, взывая, во имя Славянскаго единенія, къ полякамъ поддержать его противъ враждебныхъ мадіаръ. Въ Босніи и Герцеговинѣ возникли первыя волненія въ 1875 г. результатомъ которыхъ было освобожденіе Болгаріи. Для славянъ это своего рода свя-

¹⁾ См. „Русская Старина“, июнь 1914 г.

тотатство видѣтъ колыбель славянской свободы въ австрійскихъ рукахъ.

Ольга Алексѣевна не только раздѣляетъ эти чувства, она ихъ выражаетъ, чѣмъ въ большой степени способствуетъ западному міру понять славянство и сочувствовать ему. Своей книгой „Скобелевъ и славянское дѣло“, вышедшей въ 1882 г., она именно преслѣдовала эту задачу. У нея было много основаній написать эту книгу; она была другомъ генерала Скобелева, она была его политической союзницей. Она вполне раздѣляла его симпатіи и антипатіи.

Мать Михаила Дмитріевича Скобелева приглашала г-жу Новикову ѣхать съ нею въ освобожденную Болгарію, гдѣ сынъ ея командовалъ оккупационной арміей, но болѣзнь ея мужа помѣшала Ольгѣ Алексѣевнѣ воспользоваться этимъ заманчивымъ предложеніемъ. Г-жа Скобелева была обречена на смерть въ этомъ путешествіи; она была убита черногорцемъ Узатисомъ, котораго генералъ Скобелевъ выбралъ ей въ провожатые изъ своего штаба, какъ вѣрнаго человѣка. Скобелевъ, чья слава была очень велика, прославился еще своими двумя рѣчами, произнесенными имъ въ послѣдній годъ его жизни; ими онъ парализовалъ корысть Австріи и на двадцать пять лѣтъ отдалилъ присоединеніе Босніи и Герцеговины. Онъ умеръ 39 лѣтъ; будь онъ живъ теперь, Австрія вѣроятно не рѣшилась бы поглотить эти двѣ провинціи ¹⁾.

Книгу свою г-жа Новикова написала не для того только, чтобъ познакомить англичанъ съ жизнью народнаго героя, но также, чтобы уяснить имъ стремленія славянъ.

Это прелестное сочиненіе наполнено блестящими подвигами Скобелева. Бельгійскій ученый г. де-Лавеле былъ отъ него въ восторгѣ, онъ написалъ О. А.: „Я получилъ Вашего Скобелева и съ жадностью его читаю; кромѣ таланта, съ которымъ книга написана, я люблюсь энтузіазмомъ, которымъ дышитъ каждая страница. Она не похожа на наши западныя книги; здѣсь все старо и бесплодно. Вы еще имѣете вѣру восемнадцатаго вѣка.

„А это потому, что у васъ есть будущее впереди, у насъ же что останется?—кромѣ надежды на реформы, слушать экономистовъ и наживать деньги. Біографія и личный характеръ

¹⁾ За нѣсколько недѣль до своей смерти М. Д. Скобелевъ привезъ Ольгѣ Алексѣевнѣ великолѣпный свой портретъ съ надписью: О. А. Новиковой отъ восторженнаго цѣнителя ея политической дѣятельности. Портретъ этотъ О. А. пожертвовала Румянцевскому музею, гдѣ онъ находится и теперь.

Скобелева составляютъ первую часть книги, вторая посвящена дѣлу славянъ. До сихъ поръ не было въ Англии такого яснаго и популярнаго объясненія панславизма. Здѣсь трудно исчислить всѣ стремленія, симпатіи и антипатіи, которыя должны измѣнить карту восточной Европы, но слѣдуетъ упомянуть о томъ, что касается Босніи и Герцеговины.

По мнѣнію Биконсфильда, Берлинскій трактатъ усилилъ Оттоманскую Имперію прибавкой двухъ пунктовъ къ Санъ-Стефанскому договору. Болгарію раздѣлили на три части: свободная Болгарія, Восточная Румелия или полусвободная Болгарія и Македонія—возвращенная въ рабство. Второй пунктъ: согласіе Европы на занятіе Австріей Босніи и Герцеговины. Теперь эти два пункта уже уничтожены, а политика Россіи оправдывается.

Россія честнѣе всѣхъ государствъ соблюдала условія Берлинскаго трактата. Когда Болгарія завладѣла Восточной Румелией, Россія менѣе другихъ государствъ это поддерживала. Занятіе Австріей Босніи и Герцеговины было допущено ею лишь для того, чтобъ освободить Болгарію и Сербію.

Лордъ Биконсфильдъ грозилъ войной Россіи, если туркамъ не будетъ разрѣшено ставить гарнизонъ на проливахъ. Онъ въ этомъ рассчитывалъ на поддержку Австріи. Опасеніе войны съ двумя державами оправдывало въ глазахъ кн. Горчакова уступчивость русской политики въ Берлинѣ.

Турки, не увѣдомленные о русско-австрійскомъ соглашеніи, относительно ихъ двухъ сѣверо-западныхъ провинцій, сначала отказались подписать трактатъ; они на это согласились лишь тогда, когда Австрія сдѣлала имъ секретное заявленіе, что оккупация будетъ временная и что главенство въ Турціи остается неизмѣннымъ.

Въ 1879 г. былъ подтвержденъ этотъ договоръ между султаномъ и Австро-Венгріей, обезпечивающій главенство султана надъ занятыми провинціями.

Вотъ текстъ этого секретнаго соглашенія:

Sur le désir exprimé par les plenipotentiaires Ottomans, au nom de leur gouvernement, les plenipotentiaires Austro-Hongrois déclarent, au nom de S. M. Impérial et royal Apostolique que les droits de souveraineté de S. M. le Sultan sur les provinces de Bosni et de le Herzegovine ne subirent aucune atteinte par le fait de l'occupation, dont il est question dans l'artiele relatif aux dites provinces, du traité à signer aujourd' hui; que l'occupation sera considérée comme provisoire et qu' une entente pré-

alable sur les détails de l'occupation se fera immédiatement après la clôture du congrès entre les deux gouvernements. — Revue des deux mondes. Octobre.

Когда, 5-го іюля, обсуждалась статья 25-я, Бисмаркъ такъ опредѣлилъ роль Австро-Венгріи: Она уполномочена пополнить недостатки турецкаго управленія, осуществить великую задачу: „сохраненіе порядка и обезпеченіе будущности населенія“.

Повторяю, полномочіе не передавало власть въ руки двуединой монархіи, которая продолжала принадлежать султану, договоры, заключенные Турціей, оставались въ силѣ, иностранцы были подвѣдомственны своимъ консульствамъ. Австрійскіе законы не касались ихъ.

Замѣчательно, что со времени занятія Австріей Босніи и Герцеговины, не разъ уже появлялась опасность войны по поводу этого занятія. Первая произошла послѣ двухъ рѣчей генерала Скобелева, въ Парижѣ и въ Петербургѣ, испугавшихъ всю Европу въ то время, но предотвратившихъ опасность, которая казалась неизбѣжной. Содержаніе парижской рѣчи г-жа Новикова приводитъ въ своей книгѣ; это было знаменательное, всенародное заявленіе, достойное глубокаго вниманія и въ настоящую минуту.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этой рѣчи:

„Европѣ грозитъ опасность великой войны, она неизбѣжна. Берлинскій трактатъ топчется въ грязь Австріей, Россіи нѣтъ причинъ быть довольной этимъ трактатомъ, для нея и для южныхъ славянъ это былъ плохой договоръ, по крайней мѣрѣ онъ спасаетъ ихъ отъ гнета иностранныхъ деспотовъ. Если онъ будетъ нарушенъ, будетъ война. Вы скажете, что эта война будетъ безумна, что это будетъ самоубійство, можетъ быть, но есть обстоятельства, когда самоубійство неизбѣжно. Въ войнѣ нѣтъ нужды. Миръ можетъ быть сохраненъ, если факты будутъ вовремя признаны. Объ этихъ фактахъ я и хочу вамъ напомнить, такъ какъ дипломаты ихъ затемнили.“

„Я не имѣю вражды противъ Германіи, но почему не удерживаетъ она Австрію отъ посягательствъ. Еслибъ Берлинъ сказалъ: „руки прочь“, Вѣнѣ пришлось бы повиноваться. Славяне одного желаютъ, остаться славянами; они не хотятъ быть мадьяризованы, германизованы или подъ властью Іезуитовъ, говоритъ Скобелевъ.“

„Австріи дано право занять и управлять двумя провинціями для установленія въ нихъ порядка, но она превышаетъ свои полномочія, усиливая рекрутскій наборъ и распространяя въ

народѣ іезуитское ученіе. Славяне были самостоятельныѣ даже подѣ турецкимъ владычествомъ, чѣмъ подѣ гнетомъ вѣнской бюрократіи. Почему не хочетъ Австрія дать имъ развиваться по-своему и жить своею жизнью, можетъ быть суровой и грубой, но эта жизнь должна служить основой ихъ общественнаго и политическаго развитія.

„Россія, единственная страна въ Европѣ, гдѣ достаточно идеализма, чтобъ воевать изъ-за чувства. Ея народъ не уклоняется отъ жертвъ за вѣру и братство. Остерегайтесь довести эти чувства до крайнихъ предѣловъ“, заключилъ свою рѣчь Скобелевъ.

Въ то время какъ Скобелевъ говорилъ это въ Парижѣ, Ольга Алексѣевна, въ статьѣ своей „Кризисъ въ Сербіи“, выражала совершенно тождественныя мысли. Оба они руководились общей ихъ любовью къ славянству; у обоихъ прозвучала нотка предостереженія, и Австрія приняла это во вниманіе. Она смутилась: гроза прошла.

Турція заявила, что усиленіе рекрутскаго набора есть извращеніе Берлинскаго трактата, незаконный захватъ власти Австріей, но,—говорить дальше Стедъ, это было только начало нарушеній; имѣется въ виду: присоединеніе Сербіи, занятіе Черногоріи, Болгарія должна была стать вассальной Габсбурговъ. Австрія распространяла свое вліяніе на Румынію и печать полна была сообщеніями отъ весьма освѣдомленныхъ корреспондентовъ о томъ, что готовится походъ на Салоники. Россія молчала, но когда храбрые герцеговинцы и босняки подняли оружіе противъ австрійскаго гнета, русскія сердца забились и Скобелевъ заговорилъ. Слова его, какъ разразившаяся бомба въ непріятельскій лагерь, разсѣяли заблужденіе, будто бы Россію раздражить нельзя.

„Я помню, писала Ольга Алексѣевна, какъ однажды, за нѣсколько недѣль до смерти, Скобелевъ сказалъ: Меня забавляло, что говорили за границей про мою рѣчь въ Петербургѣ: „Военный, а говорить о политикѣ; это чудовищно“. Они забыли, что въ Россіи отношенія Государя къ своимъ подданнымъ совершенно иныя, чѣмъ въ ихъ конституціонныхъ странахъ. Между Царемъ и нами есть что-то отеческое. Почему намъ не сказать Ему, что мы думаемъ, отъ чего мы страдаемъ и что мы желаемъ.

Я думалъ, что мой долгъ былъ высказаться, и я это сдѣлалъ.

Его рѣчь принесла пользу, говоритъ г-жа Новикова, она очистила атмосферу.

Тѣнь русской сабли предостерегла готовящагося узурпатора.

Скобелевъ, уѣзжая въ Парижъ, былъ увѣренъ, что будетъ война, если Австрія будетъ настаивать на программѣ, объявленной ея печатью. Ей необходимо было напомнить о Берлинскомъ трактатѣ, а такъ какъ никто объ этомъ не подумалъ, Скобелевъ взялъ это на себя. Дѣйствіе было произведено; вотъ что по этому поводу говоритъ г-жа Новикова: „я часто видѣла Скобелева послѣ его возвращенія и всякій разъ онъ отрицалъ свою рѣчь въ Парижѣ; мои слова, сказанныя вскользь, не слѣдуетъ считать рѣчью, но вотъ что произвело впечатлѣніе: „Западъ ошибается на счетъ Россіи“, сказалъ я. Онъ думаетъ, что мы такъ ослаблены войной, что все наше могущество уже изсякло. Это ошибка. Націю, состоящую изъ ста милліоновъ людей, способныхъ жертвовать собой за идею, не такъ легко стереть. Россія жива и если будутъ перейдены извѣстные предѣлы, она рѣшится воевать.

Гамбетта привѣтствовалъ слова Скобелева, „они принесли большую пользу“, говорилъ онъ ему, „они наполнили сердца патриотическимъ пыломъ и даютъ надежду на франко-русскій союзъ. У Гамбетты одинъ врагъ—Германія, у Скобелева врагъ—Австрія, нападающая на Балканы.

Результаты оправдали слова Скобелева, а многихъ его рѣчь утратила, между прочимъ Фруда; онъ писалъ г-жѣ Новиковой:

„Война, о которой говоритъ Скобелевъ, хуже преступленія, это было бы безуміе, преступленія могутъ прощаться—безуміе никогда“.

„Вамъ дѣлать вызовъ всей Европѣ! это возбудило бы порицаніе всего безпристрастнаго міра и вы пострадаете. Ваши здѣшніе друзья, друзья въ вашемъ отечествѣ, должны будутъ признаться въ своей ошибкѣ. Что вы найдете у себя? я ничего хорошаго не предвижу отъ разсужденій Каткова, который не защищаетъ того, что самъ считаетъ справедливымъ“.

Ольга Алексѣевна отвѣтила ему нѣсколько ѣдко; 30-го марта 1882 г. Фрудъ смиренно пишетъ:

„Удивленный, какъ и всѣ, выступленіемъ Скобелева, я хотѣлъ узнать, готовъ ли походъ славянъ противъ тевтоновъ? Въ такомъ случаѣ я бы зналъ, что дѣлать. Вы въ этой борьбѣ могли бы побѣдить, Австрія могла бы быть разбита, но ваши финансы оказались бы истощенными. Выжать изъ Вѣны пять милліардовъ вы бы не могли, даже изъ Вѣны и Берлина вмѣстѣ взятыхъ; а по моему глупому разсужденію ваша настоящая задача теперь заняться внутренними дѣлами; Россія, сильная въ мирное время, съ развитіемъ ея неисчерпаемыхъ богатствъ

сдѣлаетъ все, что захочетъ, своимъ молчаливымъ вліяніемъ, страхомъ и уваженіемъ, которые она внушаетъ.

Въ одномъ разговорѣ съ Скобелевымъ г-жа Новикова у него спросила: Такъ не было въ Вашей рѣчи нападенія на Германію?

„Конечно нѣтъ“, отвѣтилъ онъ, я сказалъ, чтобы договоръ, заключенный въ Германіи и подписанный кн. Бисмаркомъ, былъ свято исполненъ; вотъ и все“.

Славянская тактика состояла въ томъ, чтобы изолировать Австрію: Россія подтверждала свою дружбу Германіи, подъ условіемъ, чтобы Бисмаркъ не поддерживалъ Австрію въ ея нападеніяхъ на Балканахъ. Повидимому, это удалось, такъ какъ Австрія не двигалась 26 лѣтъ.

Въ своей статьѣ „Австрія и Россія“, г-жа Новикова излагаетъ точку зрѣнія славянъ. Въ 1882 г. она писала, начавъ съ остроты кн. Горчакова „Австрія не нація, она даже не государство, она только правительство“. Почему такъ глубоко ненавидятъ Австрію, спрашиваетъ она, всѣ славянскія страны, принадлежащія ей и не принадлежащія? и сама отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: да за ея ненависть, ея несправедливость, ея жестокость, за преслѣдованіе всѣхъ славянъ, не желающихъ быть ренегатами.

Прекратите это преслѣдованіе и ненависти не будетъ. Даже слабая попытка справедливости могла бы вызвать дружбу къ ней въ Россіи.

Ольга Алексѣевна продолжаетъ:

Чего мы требуемъ отъ Австріи? Мы только желаемъ, чтобы славяне могли жить своею жизнью, какъ славяне, и какъ православныя. Когда графъ Таафе провозгласилъ, что Австрія должна признавать историческое право народностей, славяне стали надѣяться на лучшее будущее. Гегель сказалъ: Австрія не нація, это Имперія. Если это федеративная Имперія,—она можетъ существовать, но если она представляетъ власть меньшинства, она обречена на гибель.

Затѣмъ г-жа Новикова переходитъ къ жгучему вопросу о Босніи и Герцеговинѣ.

„Занятіе этихъ провинцій было пробнымъ камнемъ австрійской добросовѣстности. Въ 1877 г. были сдѣланы приготовленія къ занятію Босніи и Герцеговины въ то самое время, когда гр. Андраши торжественно заявлялъ, что правительство никогда не имѣло въ виду такого шага.

Австрія напустила на несчастныхъ славянъ подонки своихъ должностныхъ лицъ, еврейскую саранчу и своихъ іезуитскихъ

агентовъ; военные расходы въ 1882 г. въ занятыхъ провинціяхъ, достигли 3.000.000 фун.

Австрія заняла Боснію, продолжаетъ г-жа Новикова, чтобъ сокрушить славянство, и въ этомъ успѣла. 29 сентября 1882 г. корреспондентъ „Таймса“ пишетъ: турецкіе законы вошли въ поговорку, въ Европѣ, однако въ Босніи о нихъ теперь думаютъ почти съ сожалѣніемъ; этотъ чудный край отданъ на съѣденіе австрійскимъ чиновникамъ.

„Австрія не основала никакихъ учрежденій, увеличила рекрутскій наборъ, что стоило 3.000.000 фун., и австрійскіе чиновники управляютъ съ военной строгостью и съ чиновничьимъ безразсудствомъ“. Они бы стрѣляли въ насъ при первой возможности, говоритъ австрійскій офицеръ о боснякахъ, а почему? потому что не слушали благоразумнаго совѣта И. Бейста, а слушались Биконсфильда и стремились уничтожить всякую независимость въ славянскихъ провинціяхъ. Австрія, вникая въ ихъ мѣстные обычаи, старалось превратить славянъ въ нѣмцевъ, мадіаровъ или евреевъ.

Въ 1882 г. г-жа Новикова надѣялась, что Австрія поняла, или начинаетъ понимать, что антиславянская политика Тиссы измѣна.

„Въ прошломъ году, я рѣшилась написать въ англійской газетѣ пишетъ она то, что г-нъ Каллей говоритъ теперь. Будапестское правительство сдѣлало мнѣ честь запретить № газеты съ моей статьей; едва нѣсколько экземпляровъ достигли Сербіи.

Не русская, а австрійская газета „Narodni Listy“ обратилась къ нашему Государю, какъ къ естественному покровителю Славянъ, умоляя его принять участіе въ австрійскихъ славянахъ, какъ онъ это сдѣлалъ относительно балканскихъ.

Докторъ Ригеръ, вліятельный лидеръ богемскихъ панславистовъ, писалъ Московскому Славянскому Комитету въ 1878 г.:

„Какъ могъ не радоваться богемскій народъ успѣху русской арміи? Не сражаются ли русскіе люди за право, свободу и вѣру, за челоуколюбіе, за честь славянскаго племени, такъ долго угнетенныя въ христіанской Европѣ? Въ этой борьбѣ слава Россіи наша слава, гордость славянъ въ сознаніи, что кровь нашихъ братьевъ льется за нашихъ же братьевъ.

Мы радуемся тому, что могущественные славяне защищаютъ славянъ слабыхъ, этимъ они пріобрѣтаютъ право на любовь и благодарность всего славянства.

Англійскій вице-консулъ въ Сербіи пишетъ г-жѣ Новиковой слѣдующее:

„Не касаясь министерскаго кризиса и политическихъ интригъ, для меня совершенно ясно, что сербскій народъ благодаренъ Россіи за прошлое и надѣется на нее, какъ на старшую сестру въ будущемъ.

Въ 1888 г. Ольга Алексѣевна снова принялась за протестъ. 7-го февраля она помѣстила въ Паль-Маль газетѣ статью подъ названіемъ „Бѣдная Австрія“.

„Единственное опасеніе войны у насъ съ 1879 г.“, пишетъ она, „въ томъ случаѣ, если Австрія, поддерживаемая Германіей, нарушитъ Берлинскій трактатъ и пойдетъ на Салоники, такой шагъ непременно поведетъ къ войнѣ. Россія не можетъ допустить, чтобъ Австрія стала тюремщикомъ для православныхъ народовъ, отъ Дуная до Эгейскаго моря. Если же Австрія вспомнитъ грозныя слова „руки прочь“,—нѣтъ никакой причины для войны. Ошибка Германіи въ томъ, что она допускаетъ Австрію дѣйствовать двулично на Балканскомъ полуостровѣ. Избраніе католическаго принца на болгарскій престолъ, постоянная вражда къ православной церкви, жадность къ захвату славянскихъ земель невольно вызываютъ возмездіе.

Чтобъ не нарушать миръ, Россія можетъ исполнить всѣ условія Берлинскаго договора, но нельзя требовать, чтобъ она его ухудшала и подвергала бы опасности интересы тѣхъ, которыхъ благоденствіе ей близко.

Въ мартѣ Ольга Алексѣевна написала еще статью „Слово предостереженія и ободренія“. Въ ней она яснѣе, чѣмъ когда-либо доказываетъ, что причина вражды къ Австріи—религіозный вопросъ; католицизмъ вездѣ враждебенъ къ православію.

Откровенность лучшее средство для поддержанія мира, продолжаетъ она.

„Всякій, кто колеблется употребить всѣ мѣры, чтобъ сохранить миръ, преступникъ. Молчать значитъ иногда потворствовать беззаконію и этимъ поощрять къ войнѣ. Многие, даже друзья наши, не признаютъ, чтобы Австрія нашла иной способъ нарушить миръ Европы, какъ походъ на Салоники.

Намъ также больно видѣть австрійское распространеніе католичества въ славянскихъ странахъ, какъ и угрожающее движеніе ея войска за предѣлы Босніи и Герцеговины.

Когда, въ октябрѣ 1908 г., Австрія объявила о присоединеніи этихъ провинцій противно условіямъ трактата, Ольга Алексѣевна первая заговорила о томъ, что Австрія не права. Что въ протоколѣ Лондонскаго договора 1871 г. Австрія обязывалась, вмѣстѣ съ другими державами, въ слѣдующемъ:

„Существенный законъ для націй тотъ, что ни одно государство не можетъ освободиться отъ договорнаго обязательства, или измѣнить его условія иначе, какъ съ согласія договаривающихся державъ, посредствомъ новаго соглашенія.

Г-жа Новикова написала два письма въ „Таймсъ“. Въ первомъ она говорила о безцеремонности отношеній къ присоединеннымъ славянамъ.

„Съ такой увѣренностью утверждаютъ, что австрійское правительство намѣрено воспользоваться настоящимъ положеніемъ, что я задаю себѣ вопросъ для обсужденія, если это дѣйствительно такъ, что правильно было бы предпринять при этихъ обстоятельствахъ.

Я отвѣчаю: положеніе Австріи въ Босніи и Герцеговинѣ ясно опредѣлено и ограничено Берлинскимъ трактатомъ. Если Австрія желаетъ измѣненій, она должна обратиться къ державамъ, подписавшимъ этотъ трактатъ, за согласіемъ.

Вопросъ долженъ поэтому предстать передъ ареопагомъ Европы, который, прежде чѣмъ рѣшить его, долженъ бы, по справедливости, выслушать жалобы жителей этихъ несчастныхъ провинцій на своихъ умиротворителей. Какія это жалобы? Европейскія правительства имѣютъ уже трогательное прошеніе, поданное босно-герцеговинскими представителями уполномоченнымъ Гаагской конференціи. Я позволю себѣ вкратцѣ изложить содержаніе этого прошенія.

„Оно было написано сербскими эмигрантами, бѣжавшими изъ Босніи и Герцеговины отъ австрійскихъ притѣснителей, и отъ имени сербскаго народа и адресовано Гаагской конференціи, какъ авторитетной представительницѣ мира и справедливости. Подписавшіе это историческое порицаніе австрійскихъ порядковъ въ Босніи и Герцеговинѣ заявляли, что владычество австрійское въ тысячу разъ нестерпимѣе турецкаго. Быть можетъ, это преувеличеніе, но нельзя отрицать, чтобы это не было доказательствомъ чрезмѣрнаго ожесточенія сербовъ при видѣ своей чудной страны уничтоженной тѣми, кому она поручена Берлинскимъ договоромъ для умиротворенія. Главный пунктъ, которому каждый православный долженъ сочувствовать, это утвержденіе, что австрійскія власти обращаются съ православными, составляющими большинство населенія, съ неслыханной несправедливостью. Они вмѣшиваются въ ихъ религіозные обряды, безпрестанно высказываютъ предпочтеніе католикамаъ, которые, повидимому, болѣе сочувствуютъ начальству. Есть жалоба на то, что съ магометанами обращаются одинаково

несправедливо, такъ что магометане и православные братья по страданію отъ притѣсняющаго и несправедливаго правительства. Православные подъ постояннымъ надзоромъ полиціи, тогда какъ католики пользуются всѣми преимуществами іезуитскаго управленія.

Богатые мусульмане принуждены были бѣжать изъ страны, и на ихъ оставленныхъ помѣстьяхъ устроились нѣмецкія и еврейскія колоніи. Не обезпечена личная свобода. Управление ведется въ полномъ противорѣчій съ понятіемъ о справедливости. Полиція дѣлаетъ домашніе обыски безъ судебного предупрежденія, во всякомъ часу дня и ночи и не преминетъ застрѣлить несчастнаго крестьянина, ежели тотъ сопротивляется позорному оскорбленію жены или дочери. Шпіонство возведено въ систему.

Устраняются искусственные заговоры для того, чтобы избавиться отъ лица, ненавистнаго правительству. Туземцы не имѣютъ права переѣхать изъ одного округа въ другой безъ разрѣшенія полиціи. Въ городахъ объявлено осадное положеніе, и дурное обращеніе съ гражданами на улицѣ считается вещью обыкновенной. За всякую переписку съ Сербіей или съ Черногоріей назначено строжайшее наказаніе. Іезуиты и евреи шныряютъ по провинціямъ, и австрійское правительство не колеблясь прибѣгаетъ къ постыднымъ средствамъ, чтобъ разрушать нравственность несчастнаго населенія, порученнаго его заботамъ. Вся администрація Босніи и Герцеговины въ рукахъ не туземцевъ, а иностранцевъ. По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ въ Босніи и Герцеговинѣ было 1.840 должностныхъ лицъ изъ нихъ 189 человекъ: немного больше 10 проц. православные сербы и 106 мусульманъ. Остальные 1.545 австрійцы. Эта сарапча чиновниковъ такъ же безнравственна, какъ и бездѣтельна. Вотъ причина того горькаго недовольства населенія и застои во всемъ, по сравненію съ странами, освобожденными войной 1877 г. Петиція кончалась просьбой во имя справедливости избавить провинціи отъ австрійскаго владычества. Они просили о назначеніи европейской комиссіи, которая бы на мѣстѣ убѣдилась въ точности ихъ обвиненій и справедливость ихъ указаній должна бы вызвать немедленное прекращеніе австрійскихъ полномочій.

Мнѣ неудобно входить въ подробности этихъ обвиненій, но всѣмъ славянамъ и всѣмъ православнымъ давно извѣстно, что австрійское занятіе имѣло единственную цѣль—уничтоженіе православія и славянскаго духа въ этихъ провинціяхъ.

Корреспонденты различныхъ газетъ возражали на эти обвиненія, утверждая, что матеріальное благоденствіе занятыхъ провинцій увеличено, и на это Ольга Алексѣевна отвѣчала:

Таймсъ 7-го Октября 1908 г.

Нѣкоторые изъ Вашихъ корреспондентовъ англиканскаго, католическаго и еврейскаго вѣроисповѣданія, протестуютъ противъ объясненій боснійскихъ выходцевъ.

Они говорятъ, что австрійское управленіе увеличило матеріальное благосостояніе провинцій, а это все, что требуется. Но такъ ли это. Могутъ ли матеріальныя богатства замѣнить потерю вѣры, потерю души. Мы, православные, жалуемся на то, что за эти тридцать лѣтъ Австрія преслѣдовала православную церковь во всѣхъ ея догматахъ и обрядахъ. Она наполнила страну іезуитами и губить молодежь нравственно и физически. Тутъ повторяется система Меттерниха относительно сына Наполеона. Всѣ знаютъ, что это значить.

Меня больше всего заботитъ судьба населенія Босніи и Герцеговины. Неужели его сдадутъ Австріи, какъ стадо овецъ? Неужели эти люди, первые возбудившіе восточный вопросъ (своимъ возстаніемъ въ 1875 г.), не достойны вниманія Европейскаго ареопага. Не обратится ли къ плебисциту. Но будетъ ли этотъ плебисцитъ добросовѣстенъ,—въ этомъ весь вопросъ. Мой голосъ вѣроятно гласъ вопіющаго въ пустынѣ, но и одинъ человекъ можетъ произнести одно вѣское слово. Въ данную минуту это слово: „Остерегайтесь“.

Е. С. М.

